3. Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2008. – 717 с.
4. Дьяконова О.Г. К вопросу о признаках комплексной экспертизы. // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2015. № 2 (8). – С. 117-125.
5. Смирнова С.А., Эджубов Л.Г., Карпухина Е.С. О некоторых новых возможностях использования комплексного подхода в судебной экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы. №2 (26)2012. – С.188-195.
6. Орлов Ю.К. Комплексная экспертиза, комплексные исследования и комплекс экспертиз: соотношение понятий // Материалы 2-й международной конференции «Теория и практика судебных экспертиз в современных условиях». – М., 2009., С. 281-284.
7. Соболевская С.И., Проблемные вопросы комплексной экспертизы в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 1 (47). – С. 142-150.

Соболев Н.С.

Ограничение права на неприкосновенность частной жизни государственных служащих

*Саратовская государственная академия
(Россия, Саратов)*

doi: 10.18411/sr-10-06-2020-48

idsp: sciencerussia-10-06-2020-48

Аннотация

В статье автор обращается к проблеме ограничения права на неприкосновенность частной жизни применительно к государственным служащим. Автор обращает внимание на необходимость государственных служащих сообщать сведения о своей частной жизни, что является непосредственным нарушением их права на неприкосновенность частной жизни. Такими сведениями, в частности, являются сведения о страницах в сети Интернет, на которых размещается общедоступная информация. Автор обращает внимание на проблему идентификации принадлежности таких страниц и размещенных на них сведений и предлагает пути ее решения.

Ключевые слова: конституционное право, частная жизнь, государственная гражданская служба, муниципальная служба, ограничение права.

Abstract

In the article, the author addresses the problem of limitation the right to privacy in relation to public servants. The author draws attention to the need for public servants to provide information about their private life, which is a direct violation of their right to privacy. Such information, in particular, is information about pages on the Internet that host publicly available information. The author draws attention to the problem of identifying the ownership of such pages and the information posted on them and suggests ways to solve it.

Keywords: constitutional right, private life, civil service, municipal service, limitation of right.

В 2016 году был принят Федеральный закон от 30.06.2016 № 224-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и Федеральный закон «О муниципальной службе в Российской Федерации», который изначально принимался с целью определения и нормативно-правовой фиксации перечня квалификационных требований для служащих государственных, а также муниципальных органов на основе их должностных полномочий [1]. Несмотря на это, позже данный Федеральный закон был изменен, и вместе с тем изначальная цель его принятия была утрачена в связи с некоторыми новыми положениями, которые ни коем образом не касались обозначенного нами выше тезиса. В данный закон были внесены поправки, которые значительно ограничивали

право государственных и муниципальных служащих (а также некоторых других лиц, не принадлежащих к указанным должностным категориям) на неприкосновенность частной жизни.

Первоисточником внесенных в указанный Закон ко второму чтению изменений, судя по всему, выступал проект Федерального закона № 1061296-6 [2], внесенный депутатами Государственной Думы ФС РФ А. Луговым, В. Бурматовым. Данный законопроект не был концептуально поддержан Комитетом Совета Федерации по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера. Отрицательные заключения дали на него также Алтайское краевое законодательное собрание и парламент Кабардино-Балкарской Республики. В итоге 16.06.2016 законопроект № 1061296-6 был снят с рассмотрения Советом ГД ФС РФ, однако его нормы были перенесены - с некоторыми изменениями - в законопроект № 978623-6 [3], ставший в итоге Федеральным законом от 30.06.2016 № 224-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и Федеральный закон «О муниципальной службе в Российской Федерации».

Изменения в законе основываются на требованиях международных антикоррупционных стандартов. В частности, Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 г. рекомендует государствам-участникам устанавливать меры и системы, обязывающие публичных должностных лиц представлять соответствующим органам декларации о внеслужебной деятельности и занятиях, в связи с которыми может возникать коллизия интересов в отношении их функций в качестве публичных должностных лиц (ч. 5 ст. 8). Данная обязанность охватывает широкий круг полномочий, 83 в том числе возложение на должностное лицо либо претендента на занятие данной должности обязанности предоставлять максимально полные данные о себе

Что касается зарубежного опыта, то право на неприкосновенность частной жизни может быть ограничено в том случае, если это закреплено непосредственно в законе. В ст. 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод указано, что вмешательство со стороны государства в частную жизнь человека правомерно, если это необходимо «в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц» [4].

Также следует обратить внимание на решения Европейского суда по правам человека, которые являются составной частью указанной выше конвенции. Обобщив их, можно сформулировать некоторые условия легального вмешательства в частную жизнь человека, а именно: – оно должно быть обоснованным и необходимым в демократическом обществе для достижения целей, предусмотренных п. 2 ст. 8 Конвенции; – его следует толковать ограниченно, так как оно является исключением из права, гарантируемого п.1 ст. 8 Конвенции; – ограничения права на неприкосновенность частной жизни должно быть предусмотрено внутригосударственным законодательством, при этом оно должно определять четкие основания такого ограничения с достаточной ясностью [5].

Новой обязанностью, появляющейся в одной из норм вышеуказанных законопроектов, стало обязательное предоставление адресов личных страниц или аккаунтов в социальных сетях, а также иных ресурсах сети Интернет, содержащих публичную или общедоступную информацию пользователя, являющегося государственным или муниципальным служащим, либо информацию, которую данный пользователь публикует в соответствующий контролирующий орган. Дословная формулировка в нормативно правовом акте звучит таким образом: указанные лица

обязаны представлять сведения об адресах сайтов и (или) страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, в которых они размещали общедоступную информацию, а также данные, позволяющие их идентифицировать.

Претенденты на замещение должностей государственной гражданской и муниципальной службы обязаны предоставлять сведения, подходящие под данное законом определение, которые публиковались в течение трех лет перед их поступлением на государственную службу.

К числу обязанностей государственных гражданских и муниципальных служащих относится предоставление таких сведений в соответствующий надзорный орган включающих информацию, которая публиковалась служащим в течение одного календарного года с момента последнего предоставления данных сведений. Исключение составляют сведения, которые публиковались в связи с профессиональными обязанностями государственного служащего.

Кроме того, представитель нанимателя имеет право обрабатывать данные сведения, а также проверять их на достоверность.

Так, очевидно, приведенные выше нормы являются непосредственным вторжением в частную жизнь государственного гражданского и муниципального служащего. Кроме того, данные поправки усложняют работу государственных и муниципальных органов в связи с расширением обязанностей как служащих, так и представителей нанимателя, в компетенцию которых будет входить теперь обязательный сбор указанных данных с подчиненных.

Указанные нормы не могут не вызывать вопросов, вытекающих из неточной их формулировки. Какие данные, опубликованные в сети Интернет являются достаточными для идентификации госслужащего?

Зачастую, например, на сайтах достаточно указать только имя или только фамилию пользователя, а иногда и никнейм. Зная, что существуют как тезки, так и полные тезки с одинаковыми ФИО, возникают вопросы также о верной и неверной идентификации служащего.

Также, например, на сайте медицинской клиники служащий, задавший вопрос о своем здоровье доктору, подходит ли под действие данных норм при условии, что пользователи сайта не могут идентифицировать его, а доктор такую возможность имеет. Необходимо ли предоставлять данные сведения представителю нанимателя? Если да, то логичными будут вопросы о соблюдении врачебной этики и врачебной тайны а также переноса ответственности на медицинского работника, являвшегося консультантом госслужащего.

Законодатель объясняет данные поправки необходимостью государственного гражданского и муниципального служащего соответствовать «нравственному облику» государственного служащего, а также необходимостью контроля за соблюдением кодекса профессиональной этики [6] (далее – кодекс) служащим, указанным в Федеральном законе от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и в ст. 15.1 Федерального закона от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации».

К нарушениям кодекса профессиональной этики, являющимися также и предметом проверки указанных интернет-публикаций служащих можно отнести, например, критику государственной власти или первых лиц страны, непристойные или грубые выражения, откровенные фотографии, доказательства употребления наркотических веществ (за исключением законных препаратов, прописанных врачом) и т.д [7].

Ситуация является неоднозначной, но рассматривая ее с принятием во внимание аспекта соблюдения кодекса профессиональной этики госслужащего, я считаю, можно сделать два умозаключения. Первое из которых позволяет полагать, что кодекс также является нарушением конституционных прав государственного или муниципального

служащего (в первую очередь – человека) на неприкосновенность частной жизни в связи с тем, что нормы этики госслужащего обязывают его раскрывать конфиденциальные тайны его жизни, а также не позволяют служащему совершать некоторые вещи, доступные обычному гражданину. Такое мнение является моментом весьма и весьма спорным, ведь сложно себе представить функционирование института государственной службы, в котором отсутствуют нормы поведения служащих.

Другое умозаключение наводит на мысль о том, что государственный гражданский или муниципальный служащий являются особыми субъектами права и, скорее, исключениями положения о неприкосновенности частной жизни.

Подводя итог всему вышесказанному, можно предложить сократить подотчетный период для лиц, поступающих на государственную службу до одного года ввиду сложности предоставления требуемой информации. Для тех, кто уже находится на госслужбе, отчет должен предоставляться лишь в том случае, если стало известно «о нарушении ими требований к служебному поведению». Можно также ограничить и круг сведений, которые считаются достаточными для установления личности служащего в интернете: фамилия, имя, фотография, упоминание о месте службы или информация, относящаяся прямо или косвенно к служащему или гражданину, которая в совокупности позволяет его идентифицировать.

Таким образом, представляется возможным предложить следующую редакцию п. 1 ст. 20.2 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»:

«1. Сведения об адресах сайтов и (или) страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», на которых гражданин, претендующий на замещение должности гражданской службы, гражданский служащий размещали общедоступную информацию, к которой относится: фамилия, имя, фотография, упоминание о месте службы или информация, относящаяся прямо или косвенно к служащему или гражданину, которая в совокупности позволяет его идентифицировать, представители нанимателя представляют:

- 1) гражданин, претендующий на замещение должности гражданской службы, - при поступлении на службу за один календарный год, предшествующий году поступления на гражданскую службу;
- 2) гражданский служащий – за один календарный год, предшествующий году представления указанной информации, в случае установления факта нарушения им требований к служебному поведению, за исключением случаев размещения общедоступной информации в рамках исполнения должностных обязанностей гражданского служащего».

1. Федеральный закон от 30.06.2016 № 224-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и Федеральный закон «О муниципальной службе в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 27 (Часть I). Ст. 4157.
2. «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и Федеральный закон «О муниципальной службе в Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 04.05.2016) // Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте <http://asozd.duma.gov.ru/> по состоянию на 04.05.2016
3. Проект Федерального закона № 978623-6 «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и Федеральный закон «О муниципальной службе в Российской Федерации» (ред., подготовленная ГД ФС РФ ко II чтению 22.06.2016) // Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте <http://asozd.duma.gov.ru/> по состоянию на 16.06.2016
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Рим 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с «Протоколом [№ 1]» (подписан в г. Париж 20.03.1952), «Протоколом № 4 об

- обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (подписан в г. Страсбург 16.09.1963), «Протоколом № 7» (подписан в г. Страсбург 22.11.1984)) // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.
5. Постановление ЕСПЧ от 12.01.2016 «Дело «Сабо и Виши (Szabo and Vissy) против Венгрии» (жалоба № 37138/14) // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 7(31).
 6. «Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих» (одобрен решением президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г. (протокол № 21)) // Официальные документы в образовании. № 36. Декабрь. 2011.
 7. «Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных и муниципальных служащих» Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих одобрен решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции 23 декабря 2010 г. (протокол № 21) // <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/anticorruption/9/3>

Яшков С.А.

Современная преступность в сфере компьютерной информации: уголовно-правовой и криминологический аспект

*ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации
(Россия, Екатеринбург)*

doi: 10.18411/sr-10-06-2020-49

idsp: sciencerussia-10-06-2020-49

Аннотация

В статье предпринята попытка проанализировать состояние преступности в сфере компьютерной информации, а также обратить внимание на возможные сложности с квалификацией преступлений, предусмотренных гл. 28 УК РФ.

Ключевые слова: преступление, состав преступления, уголовная ответственность, последствия, компьютерная информация.

Главой 28 действующего Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) предусмотрена ответственность за совершение преступлений в сфере компьютерной информации.

С момента принятия данного нормативного акта в 1996г. [1] и вступления его в силу с 01.01.1997г. [2] преступлениями в этой сфере считались деяния, связанные с неправомерным доступом к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ), созданием, использованием или распространением вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ), а также нарушением правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 274 УК РФ).

В 2017г. в УК РФ были внесены изменения [3], согласно которым с 01.01.2018г. среди преступлений в сфере компьютерной информации появилось еще одно – неправомерное воздействие на критическую информационную структуру Российской Федерации (ст. 274.1 УК РФ).

О распространенности преступности в сфере компьютерной информации можно судить по правоприменительной практике.

Так, согласно статистическим данным, изложенным на официальном сайте Министерства внутренних дел Российской Федерации [4], за 2019г. в России было зарегистрировано 2 883 преступления в сфере компьютерной информации, из которых 2 420 связаны с неправомерным доступом к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ) и 455 – созданием, использованием и распространением вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ). Нетрудно посчитать, что на состав преступления, предусмотренный ст. 274 УК РФ, приходится 8 преступлений.